

Г. В. БАКУС

ФИЗИОЛОГИЯ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОДА ДЕМОНОВ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Тема сексуальных отношений с демонами оставалось одной из самых популярных на протяжении всей Охоты на ведьм, в связи с чем перед представителями интеллектуальной элиты стояла непростая задача объяснить сущность этих отношений с физиологической точки зрения. Данная проблема имела принципиальное значение для концепций двух наиболее значимых сочинений данного направления – *Malleus Maleficarum* Генриха Инститориса и *De laniis et Phitonices Mulieribus* Ульриха Молитора. В обоих случаях, демон выступал в качестве необходимого условия для совершения магических действий, и особенно – злонамеренного колдовства.

Ключевые слова: демонология, злонамеренное колдовство (*maleficium*), «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), инкубы и суккубы, интеллектуальная культура.

29 октября 1485 года в городе Инсбруке разразился скандал вокруг деятельности инквизитора и брата-проповедника Генриха Инститориса; поводом во многом послужил интерес к подробностям сексуальной жизни подозреваемых в ведовстве, который показался чрезмерным епископу Бриксена Георгу Гольсеру при допросе обвиняемой Анны Шеуберин. Конфликт в итоге обернулся скорым изгнанием виновника, но уже через год появился на свет трактат, получивший широкую известность под названием «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*). А 10 января 1489 года, началась история еще одной книги, родившейся из того же скандала – об окончании своего труда сообщил в последних строках сочинения «О ланиях и женах-прорицательницах, именуемых по-немецки нечестивицами или же ведьмами» (*De laniis et phitonice mulieribus Teutonice unholden vel hexen*) сам автор – доктор обоих прав Ульрих Молитор из Констанца. Оба сочинения ожидал успех: согласно оценкам отечественного искусствоведа Ц.Г. Нессельштраус, насчитывается 14 изданий этой книги только до конца XV в.¹; тогда как *Malleus Maleficarum* в свой первый пик популярности с 1486 по 1519 год выдержал 13 изданий в печатнях Шпейера, Нюрнберга, Кельна, Метца, Парижа и Лиона².

Как читатель уже мог убедиться, эти два текста объединяют обстоятельства происхождения³, равно как и то значение, которое они име-

¹ Нессельштраус. 1999. С. 185-186.

² См.: Mackay. 2006. P. 170-171. Vol. I.

³ См.: Broedel. 2003. P.18.; Maxwell-Stuart. 2001. P. 32; 2007. P. 26.; Wilson. 1996. P. 87-100.

ли для оформления всего последующего корпуса демонологических сочинений. Даже принимая во внимание всю условность данного понятия⁴, приходится констатировать, что в Европе раннего Нового времени складывается разнородный комплекс текстов, затрагивающих проблему сущности деяний, приписываемых ведьмам и их отношениям с демонами. В отношении содержания представляется наиболее уместным определение, предложенное немецким историком В. Берингером: демонология – это наука раннего Нового времени, ныне уже не признаваемая в качестве таковой, о сверхъестественных причинах и эффектах⁵.

В свою очередь, понятие «сверхъестественное» нам необходимо для того, чтобы обозначить границы рефлексии ученой культурой позднего Средневековья такого достаточно специфического предмета как воображаемая физиология демона. Обращаясь к понятию «сверхъестественное», мы основываемся на тезисе Р. Бартлетта⁶, согласно которому понятие *supernaturalis* активно осмысляется в рамках схоластической философии и употребляется по преимуществу в специфическом контексте – как атрибут подлинного чуда. Весьма примечательно, что, даже обращаясь к материям, имеющим диаметрально противоположную оценку с позиций христианского вероучения, авторы демонологических трактатов были вынуждены вписывать свои построения в уже существующую традицию и развивать рефлексию понятия «сверхъестественное» применительно к одной проблеме – объяснения природы магического в мире, созданном по воле и замыслу Бога. В этом отношении демонология особенно наглядно демонстрирует явление, которое М.Д. Бейли охарактеризовал как *disenchantment of the world*, – осмысление магических и религиозных ритуалов как действий в большей степени символических, а не имеющих реальную силу⁷, что ярко высвечивает проявление нарождающегося рационализма новоевропейской культуры.

Интересующие нас сочинения, сыгравшие столь значительную роль в формировании всего комплекса текстов, представляют собой весьма благодарный объект для исследования, поскольку в конце XV–начале XVI в. корпус специализированных сочинений о природе злонмеренного колдовства только начинал складываться, первые трактаты

⁴ В современной зарубежной историографии Охоты на ведьм уже неоднократно предпринимались попытки уйти от использования данного термина – так, П. Дж. Максвелл-Стюарт предпочитает именовать подобные сочинения «трактатами о ведьмстве» (*witchcraft treatises*, см.: *Maxwell-Stuart*. 2007. P. 16-17).

⁵ *Behringer W.* 2007. P. 9.

⁶ *Bartlet.* 2008.

⁷ *Bailey.* 2006.

отличается сравнительно высокой степенью авторского своеобразия. Это наблюдение вполне применимо к рассматриваемым текстам: «Молот ведьм» представляет собой классический средневековый научный трактат, организация которого строится по принципу схоластической суммы; сочинение Ульриха Молитора – объединяет в себе два чрезвычайно популярных ренессансных жанра: послание и диалог. Однако достаточно ярко выражено и то, что помимо общности происхождения два сочинения объединяет общий ход рассуждений: авторы исходят из христианской доктрины, допуская присутствие демонов в жизни человека. Специфика демонологических сочинений интересующего нас периода заключается в преимущественном внимании к делам ведьм, реальным или мнимым; прочие представители inferнального мира в текстах аналогичного содержания появляются по мере необходимости, для того чтобы объяснить сущность какого-либо из рассматриваемых преступлений. В этом отношении *Malleus Maleficarum* и *De laniis et phitonicis mulieribus* демонстрируют поразительное единство взглядов – как для Генриха Инститориса, так и для Ульриха Молитора, демоны представляют собой необходимое условие колдовства. Объяснение природы этих существ было настоятельно необходимо для понимания сущности отношений представителей inferнального мира и подозреваемых в ведовстве (так как это позволяло объяснить природу магической силы ведьм), а также для обоснования юридических санкций.

Именно это сочетание жанрового своеобразия в плане выражения и относительного единообразия в плане обвинительной составляющей позволяет нам использовать тексты Генриха Инститориса и Ульриха Молитора для выявления специфики представлений о природе демонов в ранних демонологических сочинениях⁸.

При ближайшем рассмотрении весьма отчетливо проявляется своеобразие данных текстов. Авторы «Молота ведьм», принадлежавшие

⁸ Мы использовали латинский текст ранних изданий «Молота ведьм», опубликованный К. Маккэем: *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. Malleus Maleficarum. ...* Cambridge, 2006. Vol. I. В отдельных случаях мы прибегали к тексту позднего латинского издания Н. Басея, вышедшего во Франкфурте-на-Майне в 1580 г., оцифрованное издание которого опубликовано на сайте Библиотеки Конельского Университета (США) - *Henricus Institoris Malleus Maleficarum in Tres Divisvs Partes... 1580*. В тех случаях, редакции текста в указанных выше изданиях отличаются, мы приводим ранний текст как основной и даем информацию о правке XVI в. в квадратных скобках. Сочинение Ульриха Молитора также привлекалось нами в различных редакциях: 1) латинское издание 1489 года – *Molitoris, Ulricus. De laniis et phitonicis mulieribus...*; 2) немецкое 1508 года – *Molitoris, Ulrich: Von den unholden oder hexen. Tractatus von den bösen weiben die man nen[n]et die hexen etc.*

к ордену братьев-проповедников (*ordo praedicatorum*), предлагают развернутую концепцию природы демонов, которая содержит подробные рассуждения об особенностях физиологии бесов, их отношении к миру людей, тяжести грехов и прочих аспектах. Первая часть трактата систематически освещает теоретические нюансы взаимодействия ведьм и демонов, этому посвящены вопросы: второй – «Католично ли полагать, что демон действует совместно с колдуном, либо же один может обойтись без другого, то есть демон без колдуна либо обращенного может вызывать подобные эффекты» (*an catholicum asserere quod ad effectum maleficalem semper habeat demon cum malefico concurrere vel quod vnus sine altero, vt demon sine malefico vel econverso, tallem effectum possit producere*), третий – «Католично ли полагать, что демоны могут порождать людей посредством инкубов и суккубов» (*quod sit catholicum asserere quod per incubus et succubos demones possint homines procreari*), четвертый – «Какими демонами это совершается» (*a quibus demonibus huiusmodi exercentur*), пятый, посвященный причинам преумножения чародейств (*an posit quoque modo catholice censeri quod origo et multiplicatione maleficorum operum processert ex influentijs corporum celestium seu ex superabundati malitia hominum et non ex spurcitijs incuborum et succuborum demonum*), шестой – «о ведьмах, предающихся демонам» (*quo ad ipsas maleficas demonibus se subiicientibus* – в этом же вопросе обсуждается почему злонамеренное колдовство распространено более среди женщин (*cur in sexu tam fragile mulierum maior multitudine maleficarum reperitur quam inter viros; cuiusmodi mulieres pre ceteris inueniuntur superstitione et malificijs infecte*) и семнадцатый, посвященный сравнению тяжести преступлений ведьм с любым грехом демонов (*grauitatem criminis ad peccata quecunque demonum comparando*).

Во второй части, разделенной на два больших вопроса, авторы «Молота ведьм» также периодически обращаются к проблематике, посвященной особенностям природы представителей inferнального мира. Так две главы первого вопроса второй части трактата обращены непосредственно к демонам – девятая «Как демоны безвредно проникают внутрь тел и голов, производя обманчивые преобразования» (*qualiter demones intra corpora et capita existunt sine lesione, quando praestigiosas operantur transmutations*) и десятая «О способе, коим демоны с помощью злокозненных ведовских деяний овладевают человеком» (*de modo quo demones per maleficarum operationes homines interdum substantialiter inhabitant*), а также первая глава второго вопроса второй части «Церковные средства против инкубов и суккубов» (*remedium ecclesiasticum contra*

incubus et succubus demones). Однако ключевым элементом в концепции *Malleus Maleficarum* выступают плотские отношения человека и демона, ибо они выступают как один из способов оформления союза с нечистой силой и являются обязательным условием злосамеренного колдовства (*maleficia*). О значении подобных отношений говорит уже то, что инкубам посвящены вопросы с третьего по шестой первой части трактата, и отдельная глава посвящена церковным средствам против этой напасти.

Следуя схоластической традиции⁹, «Молот ведьм» указывает на необходимость для совершения злосамеренного колдовства особых отношений с Врагом рода людского, в результате чего ведьмы становятся *одушевленными орудиями* (*instrumenta animata*) и теряют тем самым человеческий статус¹⁰. Отношения эти могут быть выражены через *pacta expressa* и *pacta placita*, где в первом случае подразумеваются «соглашения, оформленные с точки зрения юриспруденции», а во втором – «любобные соглашения, основанные на совпадении интересов сторон». Эти понятия появляются в «Молоте ведьм» для того чтобы обозначить степень вины *maleficorum*, то есть тех, кто практикует злосамеренное колдовство в сравнении со всеми прочими еретиками¹¹. *Pactum expressum* в предельном своем выражении это то, на чем строились отношения Фауста и Мефистофеля, – договор, опосредованный через некий письменный документ. Однако «Молот ведьм» воспроизводит гораздо более архаичные социальные реалии, которые предполагают не столько обязательное наличие письменного договора, сколько необходимость публичной торжественной присяги. Объяснение сущности этого действия в *Malleus Maleficarum* достигается посредством двух примеров из инквизиционного опыта, содержащих описание торжественного способа отречения от христианской веры и поклонения демону.

Принципиальным условием частного способа (*modus priuatus*) заключения союза с дьяволом выступает телесная либо временная печаль (*corporeali seu temporali afflictio*). Приступая к объяснению сущности *pacta placita* авторы «Молота ведьм» проявляют удивительную лаконичность. По существу, описание данного способа требует всего нескольких предложений: «<...> Другой – частный – происходит различным образом» (*Alius vero modus priuatus sit diuersis medijs*)¹². И далее:

⁹ По существу, авторы «Молота ведьм» развивают мысль Фомы Аквинского о том, что любой человек, принимающий помощь от демонов, заключает с ними договор либо по умолчанию, либо выраженный словесно (См.: *Cohn*. 2000. P. 113).

¹⁰ *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P.* I, 2. P.230, 235

¹¹ *Ibid.*, P. 242.

¹² *Ibid.* II, 1, 1.

«Иногда же демон предстает мужам либо женам, охваченным [буквально — «окутанным»] либо некоей иной телесной или временной печалью, иногда воочию, иногда [он] обращается через посредников» (*Interdum enim viris aut mulieribus [aut] aliqua alia corporali seu temporali afflictione inuolutis demon astat, interdum visibiliter, interdum per medias alloquitur personas*). Для нас во всем этом важно, что первым обязательным условием выступает «некая телесная или временная печаль», вторым — необходимость «действовать сообразно советам того», т.е. демона (*secundum ejus [sua — так у Бассея] consilia agere*), и только после этого начинаются обязательства со стороны Князя Тьмы. Известно чем Лукавый может искушать, и какие советы он подает «мужам либо женам» — для авторов «Молота ведьм» было вполне очевидно, что обязательным условием злонамеренного колдовства являются плотские отношения с инкубом / суккубом. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что авторы «Молота ведьм» акцентируют внимание на том, что первичным является импульс со стороны человека, делающий возможными плотские связи с демоном. В этом недвусмысленно проявляется теологическая интерпретация похоти как деструктивной и вредоносной силы, побуждающей в том числе и к противоестественным связям.

Как отмечает Х.П. Бродел, ведовство для авторов «Молота ведьм» выступало как выражение женской сексуальности, причем сексуальности испорченной и извращенной — в тексте трактата нет ни одного упоминания девственницы в качестве ведьмы и сами отношения ведьм и демонов выражаются через сексуальные отношения, но не через категории еретического культа¹³. Американский исследователь видит в этом доказательство влияния на авторов *Malleus Maleficarum* той аудитории, с которой работали инквизиторы: для крестьян, равно как и для Шпренгера и Инститориса, духи и магия были не столько сверхъестественным, сколько противоестественным — и то, и другое находилось за границами общего опыта, но собственно природе не противоречило из-за резкой антропоцентричности картины мира¹⁴.

Однако обязательным условием злонамеренного колдовства для авторов «Молота ведьм» выступало обоюдное участие в предосудительных отношениях обеих сторон договора. Как мы уже могли убедиться, достаточно сложные рассуждения об обстоятельствах *pacta placita* пред-

¹³ Broedel. 2003. P. 183. Единственным исключением, которое не укладывается в данную схему, являются уже упоминавшиеся нами выше *sagittarij malefici*, стрелки-колдуны поскольку для них злонамеренное колдовство заключается в прямом и вопиющем богохульстве (*Ibid.* P. 31).

¹⁴ *Ibid.* P. 96.

шествовали выводу о том, что падение человека начинается с его желания. С объяснением участия демонов в подобных связях дело обстояло одновременно и сложнее и проще. Проще – в том отношении, что братья-проповедники, имевшие серьезную теологическую подготовку, не могли себе позволить сомнения в реальности inferнальных партнеров ведьм. Сложность же заключалась в том, что убедительное и непротиворечивое объяснение такого рода союза требовало чрезвычайно сложных умозрительных конструкций, включавших в себя рассуждения о свойствах тел, материи, etc. И, наверное, самым сложным было объяснение самой механики плотской связи между существами, столь различающимися по природе своей. Именно в этом натурфилософские рассуждения приобретали отчетливые очертания суждений об особенностях физиологии. С точки зрения авторов «Молота ведьм» обсуждению подлежали четыре аспекта: 1) собственно демон и принимаемый им телесный облик (*ex parte demonis et corporis ab eo assumpti: ex quo elemento sit illud formatum*); 2) половой акт и особенности его протекания (*ex parte actus: an semper cum infusione seminis ab altero recepti*); 3) влияние внешних обстоятельств, таких как время и место на возможности демона (*ex parte temporis et loci: an potius in vno tempore, quam in altero exerceat*); 4) некоторые частные обстоятельства: видим ли демон при этом окружающим, влияют ли обстоятельства, при которых женщина стала ведьмой, чувствуют ли они любовное наслаждение от полового акта с демоном (*an visibiliter quo ad circumstantes se agitat; ex parte mulierum: an tantummodo ille que ex huiusmodi spurcicijs procreantur, a demonibus | frequentantur, secundo: an illy quy ab obstetricibus tempore partus demonibus offeruntur, tertio: an remissior sit in talibus ipsa venerea delectatio*)¹⁵. В целом, для решения этой непростой задачи *Malleus Maleficarum* задействует наработки схоластической интеллектуальной традиции – так, рассуждая о возможности появления потомства от человека и демона, авторы «Молота ведьм» приводят значительное количество «авторитетов», суждения же Фомы Аквинского цитируются практически дословно¹⁶.

¹⁵ *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. Op. cit. I, 6. P. 281-282.*

¹⁶ Ср.: *Сумма теологии*, I, 51.3.: “*Si tamen ex coitu daemonum aliqui interdum nascuntur, hoc non est per semen ab eis decismum, aut a corporibus assumptis, sed per semen alicuius hominis ad hoc acceptum, ut pote quod idem daemon qui est succubus ad virum, fiat incubus ad mulierem*”. (Фома Аквинский. *Сумма теологии*... С.646). *Malleus Maleficarum. I. 3.*: “*Verum est, quod procreare hominem est actus viui corporis, sed cum dicitur, quod demones non possunt dare vitam, quia illa fluit formaliter ab anima, [iterum – у Басея слово отсутствует] verum est, sed quia materialiter discinditur a semine et demon incubus illud immittere potest deo permittente per coitum et non tanquam ab eo discisum sed per semen alicuius hominis ad hoc acceptum vt dicit sanctus doctor [S.*

В трактате Молитора данной проблематике были посвящены два вопроса из девяти, а именно вопросы шестой «Может ли дьявол в образе человека сочетаться с такими женами-ведьмами в качестве инкуба» (Sexto *utrum cum talibus maleficis mulieribus possit dyabolus incubando in forma hominis commisceri*) и седьмой «Возможно ли рождение детей из такой связи» (Septimo *utrum ex tali coitu sit possibile generari filios*). Любопытно, что первый немецкий перевод, приписываемый перу самого Ульриха Молитора, в соответствующем разделе (*Capitela vnd fragstück dieses tractatus*) содержит только один вопрос на ту же тему – «Может ли злой дух наяву принимать мужское обличье с низкими злыми женами и развратничать с ними» (*Zû dem sechßten ob der böß gaist in menschlicher gestalt mit sollichen bößen weiben sichtbarlich müg wandlen vnd natürlich vnkeüschait mit ynem verbringen*). По каким-то причинам из теоретического обсуждения в немецком тексте оказался исключен вопрос о возможности рождения ребенка из подобной связи.

Еще более интригующим представляется то обстоятельство, что заявленный в начале трактата перечень вопросов в действительности не соответствовал разбивке текста на главы, и возможность отношений подобного рода обсуждалась снова и снова в пятой, шестой и десятой главах трактата. Общий ход рассуждения сводится к следующему. В пятой главе от лица Конрада Шатца утверждается, что никто не сомневается, что дьявол может появляться в образе человека (*Nemo dubitat, quin Diabolus in forma hominis apparere possit*). В качестве подтверждения приводятся жития святых (св. Мартина, Антония, Элигия). Причем в тексте присутствует нарочитое акцентирование на «физиологическом» аспекте данной проблемы. Оно задается вопросом Сигизмунда: «Могут ли демоны спать с подобными женами и совокупляться с ними (*an Dæmones possint cum talibus mulieribus dormire, & coire cum eisdem*)?» Об акценте на физиологической составляющей можно судить уже по названиям последующих глав – глава шестая «Может ли родиться ребенок в результате совокупления демонов с женщинами» (*An ex coitu Dæmonum cum mulieribus patrato potit nasci puer*), глава десятая «Может ли дьявол в образе человеческом сочетаться с такого рода женами в качестве инкуба и может ли родиться ребенок в результате такого рода совокупления» (*An Diabolus possit in forma hominis cum huiusmodi mulieribus incubando commisceri et ex huiusmodi coitu possint pueri nasci*).

Tho – у Бассея] in *Prima Parte*. (q. li. ar. iij.) vt pote quod idem demon qui est succubus ad virum, fiat incubus ad mulierem, sicut etiam aliarum rerum semina assumunt ad aliquarum [aliquam– у Бассея] rerum generationem, vt Aug. dicit (iij. *De Trinitate*)” (*Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. Op. cit. I,3. P. 251*).

В ходе обсуждения со ссылкой на «Историю Артура, короля Британии» (in historijs Arcturi Regis Britanniae) появляется и привлекает большое внимание фигура волшебника Мерлина, который, как считалось, появился из подобной связи. Упоминание этого имени ставит вопрос о возможности предвидения будущего и познания тайн (В том числе — секретов эрцгерцога Сигизмунда Габсбурга, под эгидой которого и была написана книга). И тем более интригующим представляется тот факт, что проблему, которой было уделено примерно треть от общего объема трактата, Молитор удостоивает только одним лаконичным заключением, гласящим, что дьявол в качестве инкуба или суккуба никоим образом детей породить не может (pueros generare nullo modo potest); дети же такого рода, если и появляются, оказываются либо подкинутыми, либо призрачными. В целом, по общей направленности сочинение Ульриха Молитора во многом следует «Молоту ведьм», однако, в отличие от последнего, в трактате «доктора обоих прав из Констанца» не обсуждаются вопросы натурфилософского характера.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что скептическое отношение к возможностям ведьм (под сомнением оказывается не только возможность плотских отношений с демонами, но и весь спектр обвинений в целом) весьма своеобразно соотносится с позицией Молитора относительно судебного преследования обвиняемых в злонамеренном колдовстве. Седьмое заключение De laniis et phitonicis mulieribus посвящено выяснению степени вины такого рода злословящих женщин (huimsmodi maledictae mulieres); оно демонстрирует двойственность позиции Молитора — хотя и ничего в действительности совершить не могут, они не противятся дьявольским козням, а потому впадают в отступничество от истинного и чистейшего Бога, сами становятся жертвой всеожженной Дьяволу и совершают ему приношения (sibique Diabolo holocaustomata & oblationes offerendo). Вердикт Молитора: «они заслуживают смерти» (morte plecti debent). В этом и заключается уникальность позиции Молитора: если для демонологов-скептиков XVI–XVII вв. (Иоганн Вейер, Фридрих фон Шпее) несостоятельность следствия означала несостоятельность обвинения, то для автора De laniis et pithonicis mulieribus это обстоятельство было основным поводом заявить о собственном авторитете¹⁷. Справедливости ради следует отметить, что Ульрих

¹⁷ Подавляющее большинство историков констатирует скепсис Молитора в вопросах преследования ведьм. Наиболее последовательно этот тезис отстаивает В. Берингер, который полагает, что Молитор был потенциальным оппонентом «Молота ведьм» и доказательство этому видит в самой структуре сочинения, поскольку в данный диалог не был включен доминиканец или инквизитор (Behringer. 2007. P. 74.).

Молитор не был таким уже беспринципным карьеристом, готовым отправить подозреваемых на смерть только потому, что те были невоздержанны в своих несбыточных мечтах. Его позиция сводилась к тому, что невозможность физического контакта человека и демона вовсе не означает нравственной чистоты подозреваемых, которые вполне могли участвовать в других предосудительных связях. Пятый вопрос звучал как «Могут ли заклинательницы и лании ездить верхом на намазанной палке, либо на волке или на каком ином животном и быть перенесёнными с места на место до игрища-пиршества своего, где они пьют, обедаются, вступают между собой в связи и веселятся» (*Quinto vtrum incantatrices et lanie possint super baculum vinctum super lupum seu aliud animal equitare & ad sui conuiuij ludum de loco ad locum traduci vbi bibant & commedant ac mutuo se cognoscant atque delectentur*).

Скепсис Молитора в отношении реальности подобных отношений имеет для нас принципиальное значение, поскольку для богословов высокого средневековья непорочное зачатие представляет собой чудо, событие, произошедшее вопреки привычному ходу вещей; неспособность дьявола повторить это чудо, указывает на ущербность его природы. Все, на что оказывается способным Враг рода человеческого – *praestigia*, обман, пародирующий замысел Творца. Это обстоятельство имело фатальные последствия для обвиняемых в ведовстве: если переживание мистической связи с Божеством имело следствием возвышение человеческой души, то аналогичная ситуация с демоническим неизбежно вела к деградации человека. И если греховное деяние не имело места в реальности, само желание совершить таковое свидетельствовало о порочности души и, следовательно, виновности подозреваемого. В «Молоте ведьм» эта тенденция присутствует более отчетливо. Тема чудес в нем появляется достаточно часто, однако, магические операции в качестве таковых не рассматриваются. Маг (*Magus*), действующий согласно заключенному с демоном договору (*pacto inito cum demone*) может совершить нечто кажущееся чудесным в глазах человека, воспользовавшись услугами демона, который силой своих природных способностей может сделать нечто, противоречащее порядку сотворенной природы (*qui sua naturali virtute potest facere aliquid preter ordinem naturæ create*), однако подлинным чудом это не будет. Непреодолимой границей для возмож-

Однако для ближайших потомков подобная позиция была не очевидной и, как следствие, не актуальной. Лучшим доказательством этого является уже упоминавшийся нами «синтез печатника», при котором *Malleus Maleficarum* и *De laniis et pithonicis mulieribus* оказывались объединенными буквально под одной обложкой.

ностей мага является то, что он не в силах сделать что-либо вопреки всей сотворенной природе посредством всех сотворенных сил нам неизвестных (*quia non potest operari preter ordinem totius nature create et per omnes virtutes creaturarum nobis ignotarum*)¹⁸.

В определенном смысле *Malleus Maleficarum*, равно как и прочие демонологические сочинения, разрушают ореол чудесного вокруг магических практик в той мере, в какой пытаются предложить объяснение поступкам, приписываемым ведьмам. Нечто объясненное перестает быть сверхъестественным в тот момент, когда становится понятным. В этом отношении демонология представляет собой нечто противоположное агиографии, и интересовавшие нас в данной статье трактаты являются не чем иным, как каталогами ложных чудес, разоблаченных и выставленных на всеобщее обозрение. Однако специфика данных текстов этим не исчерпывается. Не менее важным качеством выступает их ориентация на существующие социальные нормы, предполагавшая соотнесение изучаемых практик с ценностями христианских добродетелей. В нашем случае таким объектом выступает магия в сугубо специфическом проявлении злонамеренного колдовства. Именно в этом в наибольшей степени проявляется потенциал интерпретаций из области физиологии. Сколь надуманными не казались бы описания природы демонов, их главное назначение заключалось в том, чтобы обозначить сопоставимость демонической и человеческой составляющей магических практик, что для конкретных обвиняемых могло означать только одно: последовательное разрушение человеческого статуса.

Как показал К. Шрайнер, среди средневековых теологов бытовало представление о том, что душа и тело образуют единство, и на основании этого существует способность считывать по движениям тела (*motus corporis*) движения души (*motus animae*), видеть в лице (*facies*) зеркало сердца (*speculum cordis*) и рассматривать телодвижения (*gestus corporis*) внешние знаки, свидетельствующие о внутренних намерениях (*signum mentis*)¹⁹. В нашем случае предметом обсуждения выступали якобы имевшие место асоциальные поступки, обладавшие большим потенциалом метафорического объяснения. Содержательное наполнение понятия *maleficium* во многом совпадает в интерпретации обоих трактатов: по сумме действий, интерпретируемых как злонамеренное колдовство, картина оказывается в значительной мере схожей: *maleficia* – это сознательные вредоносные действия, направленные против добропорядоч-

¹⁸ *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. I, 5. P. 275-276.*

¹⁹ *Шрайнер. 2007. С. 155.*

ных христиан, сочетающиеся с демонстративным вероотступничеством и сексуальной извращенностью. Причем, авторы обоих сочинений исходят из того, что злоступное колдовство не может быть описано исключительно как агрессивные магические действия («порча»), направленные против *других* участников социума («добрых христиан»), но обязательно предполагает деградацию сущности самого непосредственного участника предосудительной практики. Иными словами, злоступное колдовство в своей разрушительности сказывается не столько на пострадавших, но, прежде всего, – на самой ведьме.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. I. Вопр. 1-64 / Ред-я Н. Лобовица и А.В. Апполонова; пер. А.В. Апполонова. М.: Издатель Савин С.А., 2006.
- Henricus Institoris O. P.* and *Jacobus Sprenger O. P.* Malleus Maleficarum. Ed. and tr. by Christopher S. Mackay. Cambridge, 2006. Vol. I. The Latin Text and Introduction. 615 p.
- Henricus Institoris* Malleus Maleficarum in Tres Divisvs Partes, In quibus Concurrentia ad maleficia, Maleficiorum effectus, Remedia aduersus maleficia, Et modus deniq; procedendi, ac puniendi Maleficos abundè continentur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, et diuini verbi Concionatoribus utilis, ac necessarius. Auctore Iacobo Sprengero Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore. His nunc primùm adiecimus, M. Bernhardi Basin opusculum de artibus magicis, ac Magorum, maleficijs. Item. D. Vlrici Molitoris Constantiensis, de Lamijs et Pythonicis mulieribus Dialogum. Item. D. Ioannis de Gerson. Olim Cancellarij Parisi[...], de probatione Spirituum, libellum. Item. D. Thomæ Murner ordinis Minorum, libellum, de Pythonico contractu. Omnia. – Frankfurt am Main: apud Nicolaum Bassaeum, – 1580 [электронный ресурс] URL: <http://dlxs2.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;idno=wit060>. (время доступа: 7.02.2012).
- Ulrich Molitoris*. Von den unholden oder hexen. Tractatus von den bösen weiben die man nen[n]et die hexen etc. Augspurg 1508 URL: <http://daten.digital-e-sammlungen.de/~db/bsb00004293/images/>; (время доступа: 7.02.2012).
- Ulricus Molitoris*. De lanijs et phitonicis mulieribus Teutonice vnholden vel hexen. Reutlingen, 1489 URL: <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=inkunabeln/179-2-quod-2> (время доступа: 7.02.2012).

Литература

- Нессельтпраус Ц. Г.* Немецкая первопечатная книга: Декорировка и иллюстрации. СПб.: Аксиома, РХ ГИ, 2000. 272с.
- Шрайнер К.* Nudis pedibus. Шествие босиком как ритуал религиозный и политический / Пер. с нем. М. Бойцова // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 2007. С. 15-70.
- Bailey M. D.* The Disenchantment of Magic: Spells, Charms, and Superstition in Early European Witchcraft Literature // The American Historical Review. Vol. 112. April 2006. URL: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/111.2/bailey.html> (время доступа: 7.02.2012).

- Behringer W.* Witches and Witch-Hunt. A Global History. Cambridge, Malden: Polity, 2007. xxii, 338 p.
- Bartlett R.* The Natural and Supernatural in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. 180 p.
- Broedel H. P.* The Malleus Maleficarum and the construction of witchcraft: Theology and popular belief. Manchester and New York: Manchester univ.press, 2003. 209 p.
- Cohn N.* Europe's inner demons: the demonization of Christians in medieval Christendom. Chicago and London: Chicago univ. press, 2000. xiv, 274 p.
- Mackay C. S.* General Introduction // Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. Malleus Maleficarum. Ed. and tr. by Christopher S. Mackay. Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. Vol. I. The Latin Text and Introduction.
- Maxwell-Stuart P. G.* Introduction // The Malleus Maleficarum. Ed. and tr. by P. G. Maxwell-Stuart. Manchester and New York: Manchester univ.press., 2007. P. 1-38.
- Maxwell-Stuart P.G.* Witchcraft in Europe and the New World, 1400-1800. New York: Palgrave, 2001.viii,120.
- Wilson E.* Institoris at Innsbruck: Heinrich Institoris, the Summis Desiderantes and the Brixen Witch-Trial of 1485 // Popular Religion in Germany and Central Europe, 1400-1800. New York, 1996. P. 87-100.
- Бакус Григорий Владимирович**, ассистент кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета; bakusgrig@mail.ru